

Юбилей

# Когда вся жизнь – математика

Нина Кимайкина отмечает солидный юбилей

**В ней сразу угадывается преподаватель: простое, но приветливое нарядное платье, строгая причёска, собранность, осанка, поставленный голос, привлекающий внимание даже если говорит очень тихо.**

Нина Ивановна смущается: сама чувствует себя ученицей – вопросов задавала тысячи тысячам, а вот чтобы самой отвечать, да ещё о себе: «А что обо мне говорить? Жила как все, работала как все». И всё же признаётся: «Я заслужила себе такую старость».

«Такою» – это 80 лет в полной, тьфу-тьфу, силе и ясном уме, в окружении родных и друзей. По утрам – зарядка, зимой – скандинавская ходьба по морозу, днём – занятия с взрослеющими племянницами, вечером – встречи с сыном или внуком, невесткой или подружками. Нина Ивановна балует их то фирменными своими пирогами, то знаменитым на весь город тортом «Наполеон». А ещё поездки на любимое Банное или к морю, которое Нина Ивановна не просто обожает – море всю жизнь спасает её от астмы. В советские годы это были курорты Чёрного моря, потом Болгария, Турция, а несколько лет назад с подружкой побывала в круизе по Средиземноморью: Стамбул, Барселона, Рим, Ницца, Неаполь... Путешествовала и по Европе: чешский город Карловы Вары, Германия, Швейцария, Австрия...

– Конечно, поражаюсь красоте, чистоте, доброжелательности, но дома, в своей стране чувствую себя лучше всего, – говорит Нина Ивановна.

А ведь страна не всегда была к ней благосклонна. Её родители стали первостроителями Магнитки не по своей воле – приехали сюда в результате раскулачивания. Семью отца этапом погнали сначала на север, и в холодной Тавде им, крепким трудягам, удалось вырастить даже овёс. Собрать урожай не успели – их сослали на Магнитострой. История матери, 13-го ребёнка в большой семье, ещё печальнее: после раскулачивания в живых осталась она да жена старшего брата с детьми, которая и взяла девочку на содержание. Потом были огромные бараки, в которых одна семья отделилась от другой тонкой простыней вместо стены, душным летом атаковали паразиты, студёными зимами умерших выбрасывали прямо в окно.

Родом из детства

Нина Ивановна родилась, когда её родители жили в Старосеверном – спецпосёлке, где все носили клеймо «неблагонадёжного». Но малышка этого не помнит. А помнит, что резвилась с другими детьми, бегала в поселковое хозяйство – её мама работала там звеньевой, а на поле трудились пленные фашисты.

– Издалека смотрели на эти толпы в серых одеждах, – говорит Нина Ивановна. – Ненависти не было, жалко их было. Мама говорила, работали они добросовестно.

Ещё воспоминаниями из детства – как маминных племянников, тех самых сыновей выжившей маминной невестки, провожали на фронт и,

конечно, победа – она застала семилетнюю Нину в детском саду.

– Был солнечный день, и все – воспитатели, нянечки, мы – бегали и кричали от радости.

Испытать статус дочери кулаков пришлось в школе, когда её, почти отличницу, не приняли в пионеры. Было горько. Первый раз довелось надеть заветный пионерский галстук уже студенткой, когда на практике работала пионервожатой в детском лагере. Вдыхает: надела с удовольствием.

В остальном, говорит, в школе её не притесняли. Наоборот, Нина была любимицей и учителей, и друзей: прилежная ученица, спортсменка, певунья, ещё и на гитаре играла. В седьмом классе получила «тройку» – по конституции. Не учила принципиально – за родителей обидно. И в комсомол не пошла по той же причине.

Учителя прочили Нине будущее математика – девочка демонстрировала выдающиеся успехи. А она мечтала стать хирургом, и у мечты этой была чёткая мотивация. Младший трёхлетний брат – а Нина была старшей из четырёх детей в семье – тяжело заболел.

– Четыре года лежал, у него буквально гнили шейные позвонки, смотреть на это было нестерпимо, и мне надо было поскорее стать врачом, чтобы ни он, ни кто-то другой никогда больше не страдали, – вспоминает Нина Кимайкина.

С мечтой решила повременить: в семье четверо детей, помогать надо, да и приодеться хотелось. Институт, да ещё медицинский, в то время был делом элиты, и мысль выглядеть на их фоне бедняжкой не прельщала. Год отработала на метизном заводе, потом поехала в Челябинск. По экзаменам две «четвёрки», две «пятёрки». Но новое постановление Хрущёва брать в институты только людей с медпрактикой мечту перечеркнуло. Вернувшись в Магнитогорск, Нина успеваешь подать документы лишь в торгово-кулинарную школу и поступает на заочное в Московский торговый институт. Правда, сдала только одну сессию: ездить в Москву было не на что, институт она оставила.

Пробовала работать по полученной специальности – продавцом промтоваров широкого профиля, хотя, как и все представители того поколения, торговлю не сильно уважала. Первая же ревизия обнаружила недостачу – две тысячи рублей. Кристально честная, Нина и простушкой не была: «Не открою отдел, пока не проведёте документальную ревизию». Что и требовалось доказать: директор поднул подложные квитанции, надеясь на наивность молодого продавца. Справедливость восторжествовала, но в торговле Нина не осталась: была весна, и она начала готовиться к поступлению в пединститут. Разумеется, на математику.

## Первая из семьи

Институт Нина Кимайкина вспоминает с удовольствием – даже обязательную работу в колхозе.

– Я была там кем-то вроде завхоза. На лошади ездил за молоком, мясом, сами делали сметану, ели и других кормили. Работали отлично, я потом всё замеряла, записывала. Бухгалтеры смеялись: впервые ви-

дим такую скрупулёзность – а я не давала ни на копейку нас обдурить, так что ещё и заработали.

Студенткой Нина Ивановна начала работать в школе. В конце обучения блестяще сдала госэкзамен – к ней подошёл завкафедрой математики горного института Геральд Бачурин: «Как только освободится место, заберу тебя к себе». Получив диплом – первый в семье, что было большой гордостью родителей, устроилась в интернат, где создала математический класс и даже самых трудных детей влюбила в предмет. А через год Геральд Фёдорович исполнил обещание – Нина Кимайкина стала частью кафедры математики.

С тех пор река жизни потекла в одном полноводном русле, богатом событиями, людьми, достижениями. Из 56 лет педагогического стажа 47 отдано горному институту – академии – университету. Она вела высшую математику – «вышку» – на горном факультете и прослыла преподавателем строгим, но справедливым.

– Еду в трамвае, слышу за спиной: «По вышке кто у тебя? Кимайкина? Слушай: как только орать начнёт – пиши, ничего не пропуская – самое важное говорит» (смеётся).

Оценок ни за красивые глазки, ни, упаси Господь, за деньги или подарки не ставила – не раз слышала в свой адрес: «К ней на хромою козе не подьедешь». Но никого и не «взлюлила» – проводила бесконечное число консультаций, дополнительных занятий – бесплатно, разумеется. Зачем? Отвечает без пафоса:

– Любила свой предмет. Любила, любила, любила.

А её любили студенты. Строгую, бескомпромиссную, хлёсткую на слово – но любили.

– Могла и задеть за живое. Обращаюсь к студентам со сладкой улыбкой: карамельки вы мои... помолчу... «Дубок», – смеётся Нина Ивановна. – Или пришла как-то студентка: юбочка – её почти нет, спина открыта... Вызываю к доске: «Выше пиши, ещё выше пиши, – аудитория уже хохочет. – Понимаешь, над чем смеются? Пунцовая стала – больше так не одевалась».

Её замечания порой били по щеке оплеухи – но не обижались, наоборот, взбадривались, подтягивались – любили, словом. И её, и предмет.

– Захожу в аудиторию, а там с прошлой пары студенты ещё не ушли, – смеётся Нина Кимайкина. – Смотрю – тот, что у меня всегда за первой партией сидит, где-то на «камчатке» спрятался. Спрашиваю: чего это? «Нина Ивановна, вот у вас мне интересно – я впереди сижу, а тут я в кораблики играю».

Она уверена: всех можно влюбить в математику. Спрашиваю: а если способностей нет?

– Не бывает такого. Бывают проблемы в прошлых знаниях, которые не дают усваивать знания новые – так и валится всё снежным комом. А думаешь, что математику не любишь.

## Алгоритмы жизни и любви

Своих студентов она отдавала мужу и женила, была обязательным гостем на выпускных вечерах. На улице то и дело притормаживают машины: «Нина Ивановна, вы меня помните? Вас подвезти?» За годы работы – несколько десятков методических разработок – собствен-



© Евгений Рухманов

ных и в соавторстве с коллегами – по всем разделам математики от элементарной алгебры до теории вероятности и статистики, опубликованных пособий и учебных карт, за которыми до сих пор выстраиваются в очередь и студенты, и преподаватели по всей стране.

– Это алгоритм любых математических действий, если хотите, шпаргалка в хорошем смысле слова, – Нина Ивановна листает карту, листы которой тесно заполнены цифрами, формулами, параболой... Куда ни приеду на факультет повышения квалификации – в Москву, Прибалтику, Украину, Беларусь – везде мои карты «разлетались», как горячие пирожки на морозе. И до сих пор переиздаются. Нет, что ни говори, методист я, конечно, от Бога (смеётся).

Сетую: почему все методисты предпочитают вуз, а не школу – детей влюблять в предмет? Нина Ивановна даже обижается:

– Всегда вела для абитуриентов подготовительные курсы, долго работала в школе Бушмановой.

Эта школа для старшеклассников в Магнитогорске гремела: заниматься у Нины Кимайкиной, Марии Бушмановой и прочих столпов математики записывались на годы вперёд. Словом, работала Нина Ивановна всегда много. Спрашиваю: только ли от любви к предмету? Отвечает честно: «Зарабатывать надо было, сына-то одна растила».

Муж – первая, ещё школьная, и признаёт Нина Ивановна, последняя её любовь. Потому и сын один – расстался, когда Олегу было пять, с тех пор лучше бывшего мужа не нашла – да и не искала. Такая вот она – цельная, бескомпромиссная. Спрашиваю: что не сложилось? Вдыхает: слишком красив был, девушкам нравился, многое себе позволял – не простила.

Так что сына растила одна, держала в строгости – и ругала, и ударить могла, если за дело.

– Перед школьным экзаменом дала ему книгу по математике. Почитал – говорит: «Я из неё за пару

часов узнал больше, чем в школе за все годы». Да не просто так сказал – учителю! Всыпала ему, конечно: «Ты, – говорю, – и слова бы из этой книги не понял, кабы учитель плохой был!»

Но и любви сыну старалась дать за двоих. Работала много, времени на сына не хватало, зато первые джинсы – Олегу, модный тогда дипломат фирменного зелёного цвета – тоже ему, как и магнитофон, и прочее. А летом возила с собой на море – только однажды не взяла, когда ей ещё в СССР дали путёвку в Болгарию: вдруг не вернётся, пусть сын здесь останется. Когда сын вырос, женился и сам обзавёлся сыном, с таким же усердием взялась растить внука. Он, кстати, тоже Олег, в честь мужа так назвала его мама Елена, невестка Нины Ивановны – смеётся: «Вот так сильно любила. Олег-младший тоже давно нашёл вторую половину, глядишь – появятся и правнуки».

А что ж работа? Даже когда Нине Ивановне было уже за семьдесят, МГТУ уходило на пенсию не предлагал, продлив контракт ещё на пять лет. Она работала с удовольствием. Но – один сердечный приступ, дружок, больница... Приняла решение уйти, не дожидаясь окончания контракта. Трудно было очень – без слёз мимо института пройти не могла. Потом привыкла, нашлись и другие радости, математики уже не касающиеся. Замечаю: у неё глаза разные – один голубой, другой зелёный, таких называют колдуньями. Нина Ивановна улыбается:

– Колдуньей никто не называл, говорили, это к счастью. И знаете, я действительно счастлива. Радуют семья, друзья, до сих пор приходят в гости студенты. А математика? Она всегда со мной. Вот, бывает, куда ключ положила, не помню, а формулу любую – легко. «Математика затем должна быть изучена, что она ум в порядок приводит» – великий Ломоносов сказал.

Рита Давлетшина